

А.Е. Шаститко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва

Проектируемые институты: теории и интересы¹

Аннотация. Обсуждается роль результатов развития экономической науки для роста общественного благосостояния в контексте проектирования институтов. Многочисленные примеры подтверждают востребованность указанных результатов в решении практических вопросов социально-экономического развития. Вместе с тем не существует гарантий того, что конкретные достижения экономической науки послужат росту общественного благосостояния. Это обусловлено не только сложным взаимодействием конкурирующих исследовательских программ в рамках экономической науки, предлагающих альтернативные варианты решений тех или иных проблем, и интересов различных влиятельных групп, чувствительных к распределительным эффектам возможных изменений. Другой важной причиной является несовершенство фильтров в системе взаимодействия «экономическая наука – политика» – синтаксического, семантического и прагматического. Один из показателей востребованности результатов экономических исследований – их отражение в проектируемых институциональных изменениях, в частности в оценке регулирующего воздействия. Обозначена проблема неэластичности внутреннего предположения идей, связанная с синдромом двух дискурсов.

Ключевые слова: *интересы, проектируемые институты, экономическая наука, два дискурса.*

Классификация JEL: A11.

Введение

Любые программы и реформы, направленные на преднамеренное изменение общественных отношений, предполагают проектирование институтов в том смысле, что инициаторы такого рода изменений, как минимум, задумываются над тем, в чем проблема и как ее следует решать. И, разумеется, выгодны ли самим инициаторам предлагаемые ими изменения. Данная проблематика широко представлена как в экономических исследованиях, так и в исследованиях смежных дисциплинарных областей. В рамках проектирования институтов (и последующей оценки реализованного проекта), значение которых для развития общепризнано, особую роль играет экономическая наука. В ее рамках на основе применения специального инструментария вырабатываются знания, эффект от использования которых является предметом дискуссий – порой подспудных, а иногда и явных. В этой связи самостоятельный интерес представляет следующий комплекс вопросов. Действительно ли экономическая наука помогает сделать жизнь лучше, и если да, то каким

образом это происходит? Какие существуют препятствия установлению прямой и устойчивой связи между достижениями экономической науки и общественным благосостоянием? Что можно и нужно сделать, для того чтобы неиспользованные возможности все же были востребованы?

Данные вопросы всегда своевременны, и их никогда не поздно обсудить. Период разработки и обсуждения стратегических документов социально-экономического развития России на срок до 2024 г. и на перспективу до 2035 г. – хороший повод, чтобы вновь сверить часы в дискуссии, которая началась не вчера и завтра точно не завершится. В данной статье будут обсуждаться три главных тезиса:

- 1) экономическая наука помогает повысить благосостояние;
- 2) развитие экономической науки не гарантирует роста благосостояния ввиду ряда препятствий трансформации знания в благосостояние;
- 3) в экономической науке можно найти разные рецепты решения многих прак-

¹ Статья подготовлена на основе выступления автора на пленарном заседании в рамках конференции «Ломоносовские чтения «Потенциал экономической науки для развития России»», апрель 2017 г., Москва.

тических вопросов экономической политики.

В данной статье не обсуждаются детально вопросы, которые относятся к мотивации экономистов-исследователей, оказавшихся в ситуации, когда необходимо найти компромисс во взаимодействии с политиками, компаниями, средствами массовой информации с учетом различий в исследовательской деятельности и представления ее результатов за пределами академического сообщества (об этом см. в (Тироль, 2017)). Однако поиск баланса между внутренней мотивацией исследователя и внешними стимулами был и остается одним из фундаментальных вопросов в объяснении механизмов создания нового знания и его использования в решении практических вопросов бизнеса и экономической политики. Вот почему контекст такой постановки в данной статье также присутствует.

1. Экономическая наука и общественное благосостояние

В мировой экономической литературе отсутствуют исследования, которые содержали бы количественные оценки, связывающие уровень развития экономической науки в целом с уровнем общественного благосостояния (хотя бы для отдельных стран). Объяснение тому тривиальное. Если количественные оценки уровня общественного благосостояния представляют достаточно сложный вопрос для современных исследователей, вместе с тем допуская различные варианты ее решения, то количественно оценить уровень развития экономической науки (именно развития!) – задача, возможно, еще более сложная. Не говоря уже об установлении связи (необязательно причинной) между первым и вторым. Однако отсутствие решения такой амбициозной задачи вовсе не означает, что возможности проследить влияние отдельных результатов развития экономической науки на благосостояние в принципе не существует.

В таком ракурсе можно найти свидетельства тому, как экономисты воспринимают запрос на решение прикладных проблем социально-экономического развития (Тироль,

2017) и как экономическая наука, способствуя решению данных проблем, помогает продвигаться в вопросе повышения общественного благосостояния (несмотря на неоднозначность данного термина). Многие свидетельства собраны в (Плотт, 2011, с. 18–54). В числе примеров, которые указывают на положительную связь между уровнем развития экономической науки и общественным благосостоянием, отмечены такие сферы, как занятость и противодействие бедности, защита конкуренции, макроэкономическая политика, охрана окружающей среды, распределение ограниченных ресурсов в государственной собственности (в частности, радиочастотный спектр). В упомянутой работе список значительно шире.

Стоит отметить, что побудительным мотивом авторов указанной выше работы, о котором писали сами исследователи, стало значительное (по их мнению) недофинансирование экономической науки относительно тех выгод, которые сулят уже применяемые результаты ее развития. По сути, используя терминологию современной экономической теории, можно было рассматривать положительные (неинтернализированные) внешние эффекты, когда общественные выигрыши могли быть значительно больше, если бы возможности проведения исследований, финансируемых из разных источников (но в первую очередь – за счет бюджетных средств), были бы шире и, соответственно, результаты экономических исследований – значительнее.

Для ответа на вопрос о возможностях интернализации такого рода положительных внешних эффектов потребует обсудить тему востребованности результатов экономических исследований. Предположим, что достигнутые результаты позволяют изменить взаимодействие между участниками отношений в той или иной сфере, что потенциально приводит к увеличению их суммарного выигрыша без значительных отрицательных побочных эффектов для тех групп, которые не попали в расчет (если таким образом в первом приближении толковать решение вопроса о росте общественного благосостояния). Является ли такой результат достаточным основанием для

утверждения, что он всегда будет востребован в сфере политических решений?

2. Блокировки в связи

«экономическая наука — общественное благосостояние»

Строго говоря, последний вопрос, поставленный в предыдущем разделе, — отчасти риторический, но он позволяет обозначить, в чем именно могут состоять препятствия, которые являются основанием отрицательного ответа.

Во-первых, источником такого рода препятствий являются предсказуемые распределительные эффекты для групп, чьи интересы могут быть затронуты, а переговорная сила значительна. И если выяснится, что какая-то группа теряет в абсолютном выражении (а в некоторых случаях имеют значение и относительные изменения), то та же экономическая теория (но другой ее раздел) предсказывает возможность блокирования изменений и как следствие — невостребованность результатов исследований. В этой связи стоит обратить внимание на одно обстоятельство, ускользающее от внимания исследователей вопроса влияния экономической науки на благосостояние. Сопряженность, связанность отдельных направлений в исследованиях имеет большое прикладное значение, даже если указанные исследования проводятся разными (специализированными) группами экономистов, а решения разрабатываются разными группами экспертов в системе государственного управления. К этой теме мы еще вернемся.

Институциональные изменения, основанные на результатах экономических исследований в той или иной сфере, за очень редким исключением — когда выигрыши всех затрагиваемых сторон увеличиваются, причем пропорционально, могут потребовать изучения комплекса вопросов.

1. Какие группы теряют, а какие — приобретают?
2. Каково влияние каждой из этих групп (или потенциальных/сложившихся ко-

алиций) на возможности блокировки институциональных изменений или изменение их направленности?

3. Какие варианты компенсации доступны для обеспечения институционального изменения в направлении, соответствующем полученным результатам экономических исследований?
4. Каким образом обеспечить достоверность обязательств в компенсационной транзакции?²

Таким образом, отсутствие необходимой сопряженности результатов экономических исследований, одним из элементов которых является изучение вопросов проектируемых институциональных изменений, может пролить свет на некоторую обособленность принятия политических решений. Разумеется, степень такой обособленности неодинакова, если сравнивать разные страны (правда, и в этом отношении также мало что определенного можно утверждать, опираясь на факты). Хотя данный вопрос не был исследован в таком ракурсе, все же можно предположить, что в порядках открытого доступа по (Норт, Вайнгаст, Уоллис, 2011) шансов на восприятие результатов экономических исследований (особенно с учетом неоднородности самой экономической науки) больше.

Во-вторых, исследования реальных экономических проблем довольно часто приводят к результатам, которые могут быть оспорены представителями других исследовательских школ. Экономическая наука допускает разные способы решения теоретических и практических вопросов. Причем настолько разные, что один вариант решения может прямо исключать другой. Понятно, что конкуренция идей может принимать форму дискуссии о границах научного знания вообще и экономической науки в частности. В данной статье мы не будем обсуждать данный вопрос, а вслед за известным методологом науки Имре Лакатосом (Lakatos, 1978) примем допущение о возможности сосуществования и параллельного развития конкурирующих

² Данный вопрос более подробно был рассмотрен в (Шаститко, 2010).

исследовательских программ, в данном случае – в области экономической науки.

Далеко за примерами ходить не надо. Позиция представителей австрийской школы, не поддерживаемая другими исследователями, такова, что все новации в области антимонопольной политики воспринимаются как неконструктивные, кроме одной: отмена антимонопольного законодательства. История макроэкономических исследований свидетельствует о значительных различиях в оценке действенности кредитно-денежной политики в сравнении с бюджетно-налоговой. Аналогичная ситуация – при обсуждении вопросов о соотношении конкуренции и стимулов к нововведениям через создание и использование результатов интеллектуальной деятельности. В результате мы получаем сложное переплетение теорий и интересов, исследование которого позволит вместе с тем ответить на вопрос о пределах востребованности результатов развития экономической науки и действии механизмов блокировки использования результатов, сулящих рост общественного благосостояния. Прежде чем переходить к обсуждению следующего важного ограничения, стоит отметить четыре варианта соотношения теорий и интересов в проектируемых институциональных изменениях – столкновение интересов: 1) на базе одной теории; 2) на базе разных теорий; 3) столкновение разных теорий в рамках общих интересов; 4) общие интересы в рамках одной теории.

В-третьих, даже если на время абстрагироваться от проблемы распределительных эффектов и различающихся подходов в рамках конкурирующих исследовательских традиций, связанных с использованием результатов экономических исследований в политических решениях, стоит отметить еще один аспект в цепочке «результаты экономических исследований – политические решения – экономические эффекты». Он связан с тремя типами фильтров – синтаксическим, семантическим и прагматическим (Шрейдер, 1965; Кобринский, Майминас, Смирнов, 1982). Напомним, что преодоление синтаксического фильтра позволяет ответить на вопрос, что

написано. Иными словами, получатель информации в сфере политических решений в состоянии прочитать сообщение из сферы экономической науки.

Однако прочитать сообщение – не значит понять его. Для этого сообщение должно преодолеть семантический фильтр. Для того чтобы понять, в чем особенность семантического фильтра, воспользуемся аналогиями с процессом обучения. Студенты порой изучают концепции, осваивают модели, но затрудняются ответить на вопрос, зачем им это необходимо (разве что для получения желаемых оценок, а в конечном счете – получения диплома). И лишь тогда, когда сообщение проходит третий – прагматический – фильтр, появляется ответ на вопрос, видит ли реципиент данного сообщения какую-либо пользу для себя (если следовать принципу собственных интересов). Лишь в этом случае можно ожидать, что реципиент – в данном случае лицо из сферы принятия политических решений – сможет использовать полученное сообщение. Разумеется, в меру своего понимания. И здесь мы вновь должны напомнить об интересах действующих лиц. Почему? Действующее в сфере политических решений лицо вполне может отдавать себе отчет не только в содержании той или иной концепции, но и предвидеть, и понимать ограничения ее применения.

Однако концепция может быть произвольно использована в собственных интересах политиков без учета тех допущений, на которых построена та или иная теория. Один из классических примеров дискуссий вокруг приватизации в России – эксплуатация теоремы Коуза для оправдания быстрой приватизации. Главное – передать права собственности частным лицам посредством приватизации, а последующие сделки приведут активы в руки тех, кто оценивает их наиболее высоко. Напомним, что слабая формулировка теоремы Коуза действительно предполагает, что вне зависимости от первоначального распределения прав собственности окончательное размещение ресурсов будет Парето-оптимальным. Однако здесь не хватает одного важного условия: нулевых транзакционных издержек. Однако как только

ослабляется предпосылка о нулевых транзакционных издержках, как тут же те решения, которые казались простыми и естественными, могут стать сложными и неоднозначными. Особенно в долгосрочной перспективе.

В любом случае, и на это обстоятельство обращает внимание Ж. Тироль (Тироль, 2017), идеи, сформулированные в академическом стиле, зачастую в силу их неоднозначности и оговоренного набора условий, имеют мало шансов быть легко и адекватно воспринятыми политиками и СМИ. Отсюда возникает основание для обоснованного упрощения теорий, их огрубления, придания им большей однозначности. Вместе с тем возможна обратная ситуация, когда базовая теория изначально не соответствует даже минимальным академическим стандартам, но в публичных дискуссиях воспринимается благосклонно. Есть ли фильтр, особенно в условиях конкуренции исследовательских программ, чтобы не перепутать один набор идей с другим? Да, есть. Один из них – это оценка указанных идей как результатов исследований, представленных в высокорейтинговых журналах, где несколько рецензентов-специалистов независимо друг от друга и анонимно оценивают статью.

3. Способы повышения востребованности результатов развития экономической науки

Один из показателей (разумеется, не единственный) востребованности результатов развития экономической науки можно обнаружить, изучая практику применения современных технологий институционального проектирования – в первую очередь оценку регулирующего воздействия (ОРВ). Почему?

Так, например, в рамках данной технологии могут быть востребованы результаты исследований в конкретной сфере или совокупности отношений (будь то система пособий, вопросы промышленной безопасности или контрольно-надзорной деятельности). Одновременно исследование вариантов изменений в целевых группах, оценка регулирующего воздействия предполагает ответ на вопрос, чьи интересы будут затронуты изме-

нениями. Соответственно, можно говорить о сравнительном анализе структурных альтернатив – квинтэссенции институционального подхода в экономическом анализе общественных отношений. Кроме того, указанные оценки ОРВ вплетены в процесс принятия решений, а не являются продуктом творчества отдельных исследователей.

Действительно, многое из того, что было понятно, но не верифицируемо ввиду недоступности информации, с помощью ОРВ может стать хотя бы отчасти проверяемым. На основе применения процедуры ОРВ востребованность/невостребованность результатов экономических исследований в сфере принятия политических решений, если к такому относить законопроектную и правоприменительную деятельность, становится более отчетливой.

Исследование опыта ОРВ в России (Радченко, Паршина, 2014) показывает, что российская экономическая наука в той части, в которой она могла бы быть использована для обсуждения вопросов правоустановления, находится если и не на холостом ходу, то работает с чрезвычайно низким КПД. Особенно интересными оказываются результаты, представленные в статье (Радченко, Паршина, 2014, с. 52) и указывающие долю проектов нормативных правовых актов (НПА) с ОРВ, где содержатся количественные оценки новых расходов государства и бизнеса и представлена хотя бы одна структурная альтернатива. Они минимальны – соответственно 4,1 и 6%. Неутешителен и связанный с указанными оценками вывод: «...в настоящее время проведение ОРВ федеральными органами власти на всех ее этапах в большей степени представляет собой формальное выполнение требований – без глубокого анализа решаемой проблемы, без попытки поиска эффективного механизма ее решения с максимальными сравнительными преимуществами, без оценки реальных эффектов для всех групп интересов» (Радченко, Паршина, 2014, с. 55).

В этой связи один из практических вопросов, заслуживающих обсуждения, как обеспечить спрос на результаты экономиче-

ских исследований если и не для инициации реформ в различных сферах общественных отношений, то по крайней мере для оценки возможных эффектов предлагаемых НПА. Ясно лишь одно: сделать обязательным экономический анализ для проведения ОРВ, конечно, это возможный вариант решения, но он – явно не лучший из доступных, хотя эффективный и, на первый взгляд, легко реализуемый. Другой вариант – повышение уровня прослеживаемости связи между предлагаемыми вариантами и последствиями принятых решений, которое позволяет спросить с ответственных за его подготовку постфактум, какие экономические основания были взяты для выбора структурной альтернативы (по аналогии с правилом способствующей небрежности, о чем более подробно см. (Шаститко, Плаксин, 2013, с. 126–127; Познер, 2004, т. 1)). Разумеется, это – не решение проблемы в целом, но один из возможных элементов. Другой аспект, подробно рассмотренный в (Шаститко, 2009), позволяет объяснить, почему шансы востребованности результатов экономических исследований (в упомянутом исследовании – экспертного знания, полученного в результате исследования в отличие от других доступных вариантов) различаются в зависимости от выбора механизмов управления транзакциями между носителями знания, заказчиками и бенефициарами.

Обсуждение данной темы без учета не только востребованности результатов исследований экономической науки, но и предложения новых знаний, было бы неполным. Если предположить, что эффективный спрос на экономические знания повышается, можем ли мы рассчитывать, что и предложение знаний, структурно соответствующих данному спросу, достаточно эластично? На наш взгляд, при обсуждении поставленного вопроса есть два важных аспекта. Во-первых, что предложение знаний, как минимум, не так эластично, как хотелось бы, это – только гипотеза. Во-вторых, возможности импортирования знания из так называемого мирового

дискурса в значительной степени ограничены, хотя такая видимость существует. В рамках данной статьи нет возможности подробно обсудить данные предположения. Остановимся здесь лишь на одном интересном наблюдении, которое связано с концепцией двух дискурсов в российской экономической науке, введенной в оборот Л.М. Григорьевым (Григорьев, 2017), однако пока не раскрытой и не осмысленной системно экономистами-исследователями.

Суть концепции двух дискурсов состоит в том, что состав, содержание и другие аспекты экономических исследований, результаты которых направлены вовне (главным образом, зарубежному читателю и авторам публикации в зарубежных журналах – в мировом дискурсе), плохо коррелированы с теми же самыми аспектами для использования результатов исследований внутри страны (внутренний дискурс). Один из признаков такого состояния дел – соотношение между списком 100 ведущих российских экономистов по данным REPEC³ и 100 наиболее цитируемых российских экономистов по данным РИНЦ. По состоянию на первую половину 2017 г. пересечения минимальны (менее 10%)⁴. Соответственно, это означает, что результаты работы ведущих российских исследователей, имеющие высокий рейтинг в REPEC, в целом малоизвестны в России, и, наоборот – результаты работы ведущих российских исследователей, индексированные в РИНЦ, практически неизвестны в международном контексте.

На наш взгляд, речь идет о синдроме двух дискурсов, ввиду того что оторванность российской экономической науки от мировой в значительной мере сохраняется, даже несмотря на то что за 25–30 лет пройден огромный путь в интеграции российской экономической науки в мировую (индексирование российских журналов в *Web of Science* и *Scopus*, рост числа публикаций российских исследователей в высокорейтинговых зарубежных журналах и т.п.). Вместе с тем многие вопросы, которые были и остаются в центре внимания исследо-

³ REPEC – см. <https://ideas.repec.org/top/top.russia.html#authors>.

⁴ Научная электронная библиотека – см. <https://elibrary.ru/authors.asp>.

вателей современной российской экономики и политики – вопросы системной трансформации – являются во многом периферийными для тех, кто вовлечен в мировой дискурс.

Кажется, что последствия такого рода синдрома касаются только российского исследовательского сообщества. Однако, по всей видимости, это не так. В первую очередь потому, что внутренний рынок экономических идей оказывается слишком узким, а это обстоятельство создает трудности в обсуждении институциональных новаций, инициаторы которых часто прямолинейно апеллируют (причем далеко не всегда обоснованно) к зарубежному опыту. В этой связи один из пунктов повестки дня – возможности использования сравнительных преимуществ двух дискурсов в системе связей «экономическая наука–политика».

Экономическая наука, действительно, может способствовать росту общественного благосостояния, что подтверждается множеством примеров, но не систематическими количественными оценками. Однако не существуют гарантий того, что результаты развития экономической науки послужат росту общественного благосостояния не только по причине сложных связей теорий, предлагающих альтернативные варианты решений, с интересами различных групп, но и из-за несовершенства фильтров в системе взаимодействия «экономическая наука–политика». Один из показателей востребованности результатов экономических исследований – их отражение в проектируемых институциональных изменениях, в частности в оценке регулирующего воздействия, а специфика предложения научного экономического знания – в синдроме двух дискурсов.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев Л.М.** (2017). Два дискурса в российской экономической науке // *Вопросы экономики*. № 9. С. 135–157.
- Кобринский Н.Е., Майминас Е.З., Смирнов А.Д.** (1982). Экономическая кибернетика. М.: Экономика.
- Норт Д., Вайнгаст Б., Уоллис Дж.** (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института им. Е.Т. Гайдара.
- Плотт Ч.** (2011). Общий обзор: что нам дают фундаментальные исследования в экономике. В кн.: «Как экономическая наука помогает делать нашу жизнь лучше». Зигфрид Дж. (ред.). М.: Изд-во Института имени Е.Т. Гайдара. С. 15–59.
- Познер Р.** (2004). Экономический анализ права. СПб.: Экономическая школа.
- Радченко Т.А., Паршина Е.Н.** (2014). Оценка регулирующего воздействия в России: практика применения и выводы из теории // *Экономическая политика*. № 3. С. 36–60.
- Тироль Ж.** (2017). Экономист в общественной жизни // *Вопросы экономики*. № 8. С. 42–55.
- Шаститко А.Е.** (2009). Проблемы использования экспертного знания в реализации государственных функций // *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 1. С. 85–108.
- Шаститко А.Е.** (2010). Новая институциональная экономическая теория. 4-е изд. М.: Теис.
- Шаститко А.Е., Плаксин М.С.** (2013). Эффекты штрафных санкций: от теории к практике // *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 3. С. 110–131.
- Шрейдер Ю.А.** (1965). Об одной модели семантической теории информации // *Проблемы кибернетики*. Вып. 13. С. 233–240.
- Lakatos I.** (1978). *The Methodology of Scientific Research Programmes*. Cambridge: Cambridge University Press.

Поступила в редакцию 15 июня 2017 года

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Grigoriev L.M.** (2017). Two Discourse in the Russian Economic Science. *Voprosy Ekonomiki*, 9, 135–157 (in Russian).
- Kobrin N., Maiminas E.Z., Smirnov A.D.** (1982). *Economic Cybernetics*, Moscow: Ekonomika (in Russian).
- Lakatos I.** (1978). *The Methodology of Scientific Research Programmes*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D., Wallis J., Weingast B.** (2011). *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Izdatel'stvo Instituta im. Ye.T. Gaidara.
- Plott Ch.** (2011). Overview: Highlights of the Benefits Basic Science in Economics. In: *Better Living Through Economics*. J. Ziegfried (ed.). Moscow: Izdatel'stvo Instituta im. Ye.T. Gaidara, 15–59 (in Russian).
- Posner R.** (2004). *Economic Analysis of Law*. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya shkola (in Russian).
- Radchenko T., Parshina E.** (2014). Regulatory Impact Assessment in Russia: Application and Lessons from Economic Theory. *Ekonomicheskaya politika*, 3, 36–60 (in Russian).
- Shastitko A.Ye.** (2009). Use of Expert Knowledge in Implementing Public Administration Functions. *Public Administration Issues*, 1, 85–108 (in Russian).
- Shastitko A.Ye.** (2010). *The New Institutional Economics*. Moscow: Teis (in Russian).
- Shastitko A.Ye., Plaksin S.M.** (2013). The Effects of Penalties: From Theory to Practice. *Public Administration Issues*, 3, 110–131 (in Russian).
- Shrejder Yu.A.** (1965). About a Model of Semantic Information Theory. *Problemy kibernetiki*, 13, 233–240 (in Russian).
- Tirole J.** (2017). An Economics in a Public Space. *Voprosy Ekonomiki*, 8, 42–55 (in Russian).

Received 15.06.2017

A.Ye. Shastitko

Moscow Lomonosov State University, Russian Academy of National Economic and Public Administration, Moscow, Russia

Institutions Designing – Theories and Interests

Abstract. The author discusses the significance of outcomes of economics achievements for social wellbeing growth from the perspective of institutions designing. There are many examples confirming the opportunity to use these theoretical results in applied issues of social and economic development. However, there are no guarantees that these results will be used for social wellbeing growth. The reason is not only complex interaction of interests groups sensitive to distributive aspects of probable changes, as well as competing research programs in economic science suggesting alternative ways of problems solutions. The reason is also of filters' imperfections within the system "economic science – policy" – syntactic, semantic and pragmatic. One of indicators of demand for economic studies' results is reflected in the designed institutional changes. In particular, it is reflected in regulatory impact assessment. The problem of inelasticity of internal supply of ideas related to syndrome of two discourses is also discussed.

Keywords: *interests, designed institutions, economic science, two discourses.*

JEL Classification: A11.